

С историей на «ты»

В 8-й КНИЖЕ
журнала
«Октябрь»

ОБ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЗАПИСИ

за 1959 год опубликована статья

под названием «Чеховские роли». Над заголовком указано имя автора: О. Книппер-Чехова. На последней странице мелким шрифтом значится: «Литературная запись Анны Илупиной».

Мы считаем своим долгом сообщить читателям, внимание которых, естественно, может привлечь эта статья, что редакция журнала «Октябрь» в данном случае была явно введена в заблуждение.

Нам известно, что А. М. Илупина действительно посещала народную артистку СССР Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову и беседовала с ней о ее ролях в пьесах А. П. Чехова. Мы знаем также, что О. Л. Книппер-Чехова, ознакомившись с «литературной записью» А. М. Илупиной, категорически отказалась не только авторизовать ее как свою статью, но даже визировать ее как точную запись беседы (свидетельство С. И. Баклановой, которая лично сообщила об этом А. М. Илупиной).

Таким образом, А. М. Илупина не имела никакого права передавать для печати свою «запись» под именем О. Л. Книппер-Чеховой. Редакция же журнала «Октябрь» напечатала ее, по-видимому, не проверив происхождение и подлинности публикуемого материала.

Мы вынуждены выступить в защиту имени О. Л. Книппер-Чеховой, которую мы близко знали, так как «литературная запись» А. М. Илупиной искажает ее творческий облик, а в ряде формулировок и творческий метод Художественного театра.

Всякий, кто знаком с подлинными высказываниями и воспоминаниями О. Л. Книппер-Чеховой, легко отделит в публикации «Октября» действительно принадлежащие ей мысли и сообщения фактического характера от эстетических обобщений, нравоучительных сентенций и пышной фразеологии автора «записи». Приведем несколько примеров.

Вот характеристика отношений Маши и Вершинина в «Трех сестрах»: «Ныне Машу и Вершинина показывают на сцене как любовников... Мы трактовали все это совсем иначе. Для Маши Вершинин не любовник. То есть, может быть, и он (!!). Но не в этом дело. Он свет. Он радость. Такая радость, которую ничем не утолишь. Когда чувство так долго прячется, когда оно зреет подспудно, когда до последней возможности удерживается внутри, то наступает такой миг, в который плотина прорывается, чувство затопляет все и летит стремительно, летит в неведомую даль, и плещет, и играет на солнце, как река в половодье... Мне казалось, что вот сейчас Маша и Вершинин обнимутся и пойдут так, обнявшись, по городу (!), начнут, как дети, бегать до холодного пота (!!), никого не видя, ни на что не глядя, не уставая и не останавливаясь».

Вот еще, выбранные наудачу, образчики неряшливых «отсебятины» автора «литературной записи»: «Измученная, но живучая женщина, мягкая, хорошая душа, Раневская была мне дорога и любима, как родной и близкий человек»; или: «...Елене верна себе. Верна даже тогда, когда кажется,

что она совсем не может собой владеть и вся полновдругу вспыхнувшей мечтой: о,

право, как бы хорошо и весело было съездить в лесничество!.. И когда все соблазны уже пережиты ею, когда она берет себя в руки и в душе снова все идет по несгибаемому внутреннему рельсам (!), — вот тогда, в самом конце, она сама обнимает Астрова, но так, что знает: за этим объятием уже ничего, ничего не будет».

А вот примеры мнимых «авторских отступлений», примечательных своей фальшивой, поистине антикнипперовской и античеховской интонацией: «И действительно, никогда я не знала, куда приведет меня работа над ролью. Может быть, поэтому так труден для меня даже такой, — несистематизированный, разбросанный, импрессионистический — рассказ об этой работе. Но «наперед, вперед, моя история!», буду уж, как умею, продолжать о Раневской». Или еще: «Я же смогу вам поведать лишь о частностях своей работы...», «Но я лгу себя надеждой, что мой рассказ послужит артистической молодежи...» и т. д. и т. д.

Как известно, Ольга Леонардовна умела говорить и писать о своих чеховских ролях своеобразно и проникновенно, с необыкновенной искренностью и тонкой поэтичностью, близкой к Чехову. Она никогда не пользовалась при этом ни избитыми псевдолитературными штампами, ни громоздкими придаточными предложениями плохого стиля. Она не уснащала свои статьи цитатами из Паскаля и Байрона или обширными выписками то из режиссерских партитур К. С. Станиславского, то из критических статей Н. Е. Эфроса. И уж во всяком случае Ольга Леонардовна не могла подписать сочинения, в котором К. С. Станиславский якобы обращается к ней, актрисе Художественного театра, в таком панибратски вульгарном тоне: «Голубушка, не обижайся ты, пожалуйста, но только никогда не суйся в политические роли». Кстати сказать, К. С. Станиславский ни с кем из труппы Художественного театра не был «на ты». Она не могла назвать «Леонидом Михайловичем» одного из своих ближайших товарищей по сцене — Леонида Мироновича Леонидова. Все это, как и многое другое, принадлежит не О. Л. Книппер-Чеховой, а А. М. Илупиной, автору «литературной записи».

Необходимо решительно оградить память выдающихся мастеров нашей культуры от подобной предприимчивости.

Заслуженный деятель искусств РСФСР
профессор П. МАРКОВ,
заслуженная артистка РСФСР
С. ПИЛЯВСКАЯ,
кандидат филологических наук
Елизавета КОНШИНА,
директор Музея МХАТ
Ф. МИХАЛЬСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР
В. ШВЕРУБОВИЧ,
заслуженный деятель искусств РСФСР
профессор И. РАЕВСКИЙ,
С. БАКЛАНОВА,
народный артист РСФСР и Лит. ССР
Василий ОРЛОВ,
кандидат искусствоведческих наук
В. ВИЛЕНКИН